

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СКИФО-СИБИРСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА (К ВОПРОСУ О КИТАЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ)

Е.Б. Барина

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, Россия, 119991

В статье исследуется проблема взаимодействия народов Центральной Азии и Китая в бронзовом веке. Классификация скифо-сибирских находок обнаруживает сходство скифских, центральноазиатских и китайских «художественных форм» и дает право предполагать, что карасукская культура, иньская традиция стиливых изображений, тагарская культура, ордоская культурная традиция тесно связаны между собой. Материальные свидетельства указывают на продвижение через степной пояс и центральноазиатские пустыни в излучину Хуанхэ культур с бронзовой металлургией и звериным стилем. Прослеживается проникновение скифо-сакских племен, расселившихся во Внутренней Монголии на север от р. Хуанхэ.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, бронзовый век, скифо-сибирское искусство.

Глобальное увлажнение степей в начале 1 тыс. до н.э. стимулировало переход к новым формам скотоводства в этом регионе и миграции древних кочевников на большие расстояния, вплоть до Китая и Восточной Европы. Вследствие этого на всем протяжении степей Восточной Европы, Западной Сибири, Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железного века возникают культуры, обязанные своим единством не только однородности хозяйственного и бытового уклада ее носителей, но и наличию тесных связей и взаимодействию племен. В эпоху поздней бронзы, на рубеже 2 и 1 тыс. до н.э. кочевые племена, носители европеоидного антропологического типа, продвинулись далеко на восток, распространив ареал своего обитания и грани-

цы культуры до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса (1). Сходство некоторых важных компонентов материальной культуры, а иногда их полное тождество позволяют говорить о существовании культурно-исторической общности.

Уже первые попытки классификации скифо-сибирских находок обнаруживают сходство скифских, центральноазиатских и китайских «художественных форм» (в основном предметов в «зверином стиле») (2) и дают право предполагать, что они связаны между собой и имеют одно общее происхождение. Культуры скифо-сибирского облика возникали и развивались на разной предшествующей основе, не в единых центрах, а по всей территории их распространения. Все это позволяет выделить локальные варианты: Минусинскую котловину, Саяно-Алтай, Монголию, Внутреннюю Монголию и районы Северного Китая.

Наиболее актуальным и сложным становится вопрос, когда и благодаря кому появилось скифо-сибирское искусство. Существуют стилевые закономерности и даже в сходство между минусинскими и северокитайскими (ордосскими) бронзами. С.А. Теплоухов и Э.Х. Минз одними из первых связали группу предметов скифо-сибирского звериного стиля с «карасукской культурой» X–VIII вв. до н.э. и Северным Китаем, усматривая в этом сходстве генетическую связь. С.В. Киселев считал, что карасукская культура из Аньяна (XV–XIV вв. до н.э.) через Суйюань (XIV–XIII вв. до н.э.) проникла на Енисей, где в VII в. до н.э. на ее основе сложилась тагарская культура и скифо-тагарское искусство.

На настоящее время данные говорят о том, что карасукская культура распространена в основном в Хакасско-Минусинских межгорных степных котловинах Среднего Енисея Южной Сибири и в Казахстане. Археологические памятники карасукской культуры представлены как могильниками (учтено более 150), насчитывающими более 1–2 тыс. могил каждый, так и поселениями (около 10) (3).

Распространение отдельных бронзовых изделий зафиксировано на территории от Центрального Казахстана до Монголии и Северного Китая (4). Обилие источников послужило основой для создания различных гипотез о происхождении культуры: 1) автохтонное (местное) происхождение карасукской культуры и ее компонентов на базе андроновской культуры и при участии западных импульсов (5); 2) центрально-азиатское (юго-восточное) (6); 3) китайское или ордосское происхождение (7); 4) западное, из Казахстана (8) или Ирана и прилегающих областей (9). Разрабатываются гипотезы о возможной миграции населения с юга на позднем карасукском этапе (10).

Антропологический аспект этой проблемы долгое время был предметом научных дискуссий. Идея о китайском происхождении южносибирской карасукской культуры, в частности, аргументировалась тем, что у карасукцев в отличие от их предшественников в Сибири присутствовал монголоидный элемент (11).

Исследования В.П. Алексеева поставили под сомнение вывод о монголоидной примеси у карасукцев. Используя важнейший антропометрический признак – профилировку лицевого скелета – не употреблявшийся в прежних работах антропологов, он показал, что антропологический тип карасукцев обнаруживает сходство с памиро-ферганской расой (12). Этот же вывод подтверждают и исследования Г.В. Рыкушиной (13).

Таким образом, тезис о миграции из Китая в Сибирь карасукцев-монголоидов не находит подтверждения. Однако незначительный монголоидный компонент все же присутствует. Он указывает на близость карасукцев с андроновцами Казахстана и Верхнего Притобоя. Это, однако, не исключает того, что бронзовая культура карасукцев была очень близка, может быть, даже родственна иньской бронзовой культуре. Подобная близость теоретически может быть объяснена различно. Либо карасукская культура служила исходным материалом для формирования иньской, либо, что более вероятно, обе эти родственные культуры (карасукская и иньская) генетически восходят к какой-то третьей, еще недостаточно известной бронзовой культуре. Именно на территории Минусинской котловины, а также в районах Северного Китая и Внутренней Монголии происходит наибольшее количество находок как карасукского типа, так и предметов в скифо-сибирском зверином стиле. Это может объясняться не только преемственностью развития традиций, но и существованием в этих двух регионах в эпоху бронзы и в скифское время металлургических центров, которые удовлетворяли запросы различных этнических групп населения (местных и пришлых).

Основная масса вещей является случайными находками и происходит из районов Северного Китая (Внутренней Монголии) и Минусинской котловины (14). Самые ранние образцы датируются XIII в. до н.э. и найдены в памятниках на территории Северного Китая. На территории Северного Китая и Внутренней Монголии карасукская традиция доживает до IV в. до н.э. Что же касается Минусинской котловины, то здесь эта традиция существует до V в. до н.э.

Под воздействием карасукской художественной традиции сформировались и некоторые образы раннескифской традиции звериного стиля. Однако образ хищника, который часто встречается на оленных камнях и в центральноазиатских петроглифах раннескифского времени, вероятно, имеет совсем иное происхождение. Подобные изображения «фантастического хищника» были сначала представлены на печатях-амулетах мургабского стиля из Маргианы, а несколько позже данный образ становится одним из ведущих в искусстве населения окуневской культуры Южной Сибири (15). Такие же изображения в больших количествах встречены в горах Хэланьшань (провинция Нинся, Китай), горах Иньшань (север Ордоса). Они датируются IX–VIII вв. до н.э. (16).

Так как больше ни в каком регионе Центральной Азии классических петроглифов такого рода и в таком количестве не встречено, то эту традицию изображения хищников в раннескифское время принято называть «хэ-

ланьшаньской» (17). В этой художественной манере выполнены изображения хищников на оленных камнях Северной Монголии в Ушкин-Увэра (18) и на камне 9-го жертвенника Жаргалант (19). Аналогии этим изображениям можно встретить и среди предметов пластического искусства. Это зеркало из могилы № 1612 Шанцуньиня, найденное в китайской провинции Хэнань (20), бронзовые бляшки-подвески из случайных находок в Ордосе (21), гравированное изображение на топоре из собрания Ю.Г. Андерсона (22), две серповидные пластины, обнаруженные в районе с. Хорум-Даг Республики Тыва (23), бронзовые поясные подвески из верховьев р. Янцзы (24). Эти находки свидетельствуют о существовании восточной провинции распространения хэланьшаньской традиции.

Иньская традиция стилевых изображений в Центральной Азии существенно отличается от карасукской. Отличия проявились в значительной стилизации образов, композиционных решениях, в формах самих изделий, на которых были нанесены изображения (в основном на бронзовых сосудах и оружии).

М.Н. Погребова и Н.Л. Членова связывают эту традицию с металлургией Среднего и Ближнего Востока, М.И. Ростовцев относит эти орнаментальные традиции к вавилоно-ассирийскому искусству (25). Ряд отечественных и зарубежных ученых считают, что своим происхождением они обязаны комплексу, локализованному где-то в Центральной Азии. Подробно этот вопрос был рассмотрен Л.С. Васильевым (26).

Однако наиболее ярко «иньская» традиция проявилась в Аньяне в XIV–XII вв. до н.э. и просуществовала в районах Центрального и Северного Китая до X в. до н.э. Китайские ученые связывают ее появление с предшествующими традициями китайского неолита. Согласно теории Т.Г. Фриша, основой для ее возникновения послужила традиция оформления фигуры животных завитками (вихревой и С-видный орнамент на нефритовых и бронзовых предметах эпохи Шан-Инь). Еще в начале XX в. К. Йеттмар и Х. Хюттель высказали мнение, что образ свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле сформировался на базе китайских «кольцевидных зооморфных композиций». С этим мнением соглашаются и многие современные отечественные и зарубежные исследователи (27). Основным доказательством служат найденные в Китае подвеска из Фэнси (28), украшения из жадеита с изображением «дракона, кусающего себя за хвост» (29).

Кроме того, большое количество нефритовых кольцевых зооморфных украшений находятся в частных коллекциях, в музеях Европы и Америки и в основном датируются эпохой Шан-Инь. Большую дискуссию среди ученых вызывает вопрос, кто же был изображен на этих нефритовых дисках? Например, В.Е. Ларичев считает, что это дракон, «кусающий себя за хвост», и интерпретирует некоторые «сцены» как «изображение события вселенского масштаба... чудовище заглатывает Солнце и захватывает хвостом Луну» (30).

С.В. Алкин, изучая нефритовые скульптурные изображения С-видной формы северо-восточного Китая, датируемые эпохой неолита (5–3 тыс. до н.э.), пришел к выводу, что это изображения личинок насекомых, в которых воплощались представления об идее рождения, поскольку в большинстве случаев на нефритовых подвесках существо изображалось часто очень схематично, без лап, с большой головой и невыраженным телом-хвостом (31).

В Китае неолитическая традиция украшения подобными существами различных предметов получила свое продолжение позже не только в камне, но и в металле. В эпоху Шан-Инь они служили элементами декора бронзовых сосудов (32).

Анализ данного материала позволяет признать, что мнение о заимствовании сюжета свернувшегося в кольцо животного из древнекитайской изобразительной традиции не лишено оснований. В конце XX в. М.Н. Погребова, Д.С. Раевский (33) и Е.В. Переводчикова (34) возражали против этой гипотезы, ссылаясь на значительные хронологические разрывы в тех случаях, где предполагается прямая преемственность.

Однако в последние годы появились новые материалы, помогающие заполнить имеющиеся лакуны. Так, IX–VIII вв. до н.э. датируется нож с навершием в виде свернувшегося «хищника» из могилы № 101 памятника Наньшаньгэнь, бляшка и бронзовые удила с изображенным на них образом животного из могилы Сяохэйшигоу (35).

В очень близкой манере выполнены изображения на оленных камнях из Архангайского и Баянхонгорского аймаков в Монголии, относящиеся к началу 1 тыс. до н.э. (36). Такая же ситуация характерна для большинства изображений на минусинских бляшках, которые датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э., практически для всех изображений подобного типа VII в. до н.э. из лесостепи, Северного Причерноморья, Северного Кавказа. Однако, сохраняя позу, свернувшееся животное преобразуется в пантеру. Этот процесс проходил на раннем этапе возникновения и распространения иконографической схемы. Например, VIII (IX) в. до н.э. датируется курган Аржан, в котором была найдена «аржанская пантера» (37). Идентичная бляха была найдена в Монголии (38).

Таким образом, иконографические и хронологические ряды убедительно доказывают, что зарождение и распространение образа свернувшегося животного связано с формированием в Центральной Азии этого сюжета на основе китайских изобразительных традиций. Кочевники творчески переработали не совсем понятное для них свернувшееся животное в «утробной позе» в кошачьего хищника, в соответствии с потребностями украшения предметов и с внутренней семантикой самого образа (39).

Тагарская культура (IX–I вв. до н. э.) – одна из культур скифского типа Центральной Азии, хотя ее памятники сосредоточены исключительно в Хакасско-Минусинских котловинах, но многие бронзовые металлические вещи встречены на широкой территории. В раннетагарских памятниках просле-

живаются элементы, генетически связанные как с карасукской культурой, так и с западными районами, и позволяющие усматривать центральноазиатский импульс культурных инноваций на Среднем Енисее в первой половине I тыс. до н.э. Для исследования места проживания и трассирования возможных миграций населения использованы современные изотопные методы, позволяющие по костным остаткам (людей и овец, коров, лошадей) определить место рождения (40).

Удалось показать, что, например, население раннетагарского времени Юго-Западной Хакасии (памятники Хыстаглар, Казановка) проживало здесь с конца эпохи бронзы (памятник Анчил-чон), а люди и лошади, захороненные в некоторых могилах кургана Аржан-2, родились или выросли к северу от Тувы, в Хакасии. Царица Аржана-2 не являлась уроженкой Хакасии или Тувы, возможно, следует искать объекты с таким низкорadioгенным стронцием в памятниках скифского времени Алтая или Монголии (41).

Необходимо также отметить, что по антропологическому типу тагарцы были европеоиды и весьма близки скифам Европы, лишь к концу тагарской эпохи монголоидная примесь увеличивается.

Некоторые изобразительные мотивы, найденные на предметах с памятников тагарской культуры, могут свидетельствовать о наличии контактов с китайской культурой. Например, орнаментальный мотив «шествия зверей» был использован древним мастером при оформлении невяуры клинка кинжала-акинака из могилы № 5 Аржана-2 (42). Спиральные завитки и криволинейные фигуры, образующие его, зеркально симметричны относительно центральной оси лезвия. Подобные мотивы известны на изделиях китайских металлургов и ювелиров начиная с раннего периода Чуньцу, то есть примерно с VII в. до н.э. В китайской историографии такой декор имеет особое название, которое переводится как орнамент в виде облаков. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с произведением мастера, хорошо знакомого с этим художественным приемом, а возможно, что и с носителем традиции. Однако очевидно, что это не импорт из Китая, так как морфологически аржанский кинжал-акинок не выглядит исключением среди всей массы известного клинкового оружия Степной Евразии. Вместе с тем в Китае железное оружие украшали золотом уже в эпоху Чуньцу. Три железных кинжала местных форм найдены в комплексе VII в. до н.э. в могильнике Имэньцзунь уезда Баоцзи провинции Шэньси (43).

К рубежу эр происходят значительные изменения в тагарской культуре и обществе, что четко проявилось в материальной культуре: во-первых, бронзовые изделия сменяются железными; во-вторых, наряду со склепами появляются большие грунтовые могильники и частично меняется погребальный обряд, что, видимо, связано с притоком нового более монголоидного населения (44).

Ордосская культурная традиция в гунно-сарматское время важна для понимания всего комплекса этнокультурных процессов, происходивших в

Центральноазиатской части евразийского субконтинента в контексте появления и формирования искусства хунну.

Особое значение в этом плане приобретает исследование памятников ранней эпохи хунну (45). Новые связанные с их культурой находки позднего этапа Чжаньго (около III в. до н.э.) сделаны на территории автономного района Внутренняя Монголия (могильники Хулстай, Сигоупань, Алучжайдэн) и провинции Шэньси (пункты Налиньгоуту, Лицзяпань и др.) (46). Вместе с такими памятниками, как Юйлунтай, Суцзигоу и Ваэртугоу, они относятся ко второму этапу памятников хунну, которые распространены также на территории Монголии и Забайкалья (47). Таким образом, протохуннская и раннехуннская традиция оказывается одним из наиболее ранних культурных образований центральноазиатской степной зоны.

Важность периода эпохи поздней бронзы для истории Восточной Азии обуславливается тем обстоятельством, что именно в чжоуское время начался переход от развитой бронзы к железному веку и централизованной империи (Цинь) (48). Именно тогда складывались многие стереотипы поведения и мышления китайцев, которые четко проявлялись затем на протяжении столетий. С развитием археологических исследований в Китае в источниковедении чжоуской эпохи возникла благоприятная возможность корреляции материальных и письменных источников. Ведь многие сочинения создавались современниками описываемых событий. Это открыло возможность точного датирования как памятников в целом, так и отдельных находок, способствуя разработке и уточнению восточноазиатской хронологической шкалы.

В отчетах 1925 г. С.А. Теплоухов отнес находки из Ноин-Улы, Юго-Западного Забайкалья, Минусинского края и Алтая к культуре хунну. В то же время, отметив стилистическую близость анималистических изображений с названных территорий, исследователь высказал мнение о вхождении их в группу предметов скифо-сибирского стиля.

Г.И. Боровка, проанализировав стилистические особенности обнаруженных предметов, пришел к заключению о принадлежности погребений в ноин-улинских горах местному варианту скифо-сибирской культуры. Г.П. Сосновский указывал на сходство стиля и техники изготовления предметов с изображениями животных из Ноин-Улы, Дэрестуя, Минусинского края, Кузнецкого района Западной Сибири, Алтая, Северного Китая (Ордоса) и Маньчжурии. Среди находок северокитайских древностей ученых особенно заинтересовали находки «скифского облика», выполненные в «зверином стиле», и факт их близости с «сибирскими бронзами».

Сопоставительный анализ художественных изделий хуннских памятников Забайкалья, Ноин-Улы, Сибирской коллекции Петра I, алтайских курганов скифо-сарматского времени и наиболее характерных ордосских предметов из других памятников позволяет говорить о хуннском происхождении значительного большинства вещей «ордосской бронзы» и теснейшей связи хуннского изобразительного искусства с изобразительным искусством дру-

гих евразийских коневодческих племен эпохи, и в первую очередь с «сако-юэчжийскими» и южно-сибирскими племенами.

А.В. Давыдова на основании стилистических особенностей предметов с изображениями животных, обнаруженных в Дерестуйском могильнике, высказала мнение о возможности выделения хуннского пласта среди многих сибирских художественных бронз, выполненных в «зверином стиле», и датировки их III–I вв. до н.э. М.И. Артамонов, анализируя стилистические особенности забайкальских, монгольских и ордосских находок, определил их как огрубевшие реплики ранее созданных образцов, хорошо известных в скифо-сибирском искусстве.

Решая некоторые проблемы, касающиеся искусства хунну, П.Б. Коновалов пришел к выводу о существовании у хунну самостоятельного, со своими сюжетными и композиционными особенностями, очага этого искусства. Он обратил внимание на существование у хунну, наряду с памятниками скифо-сибирского звериного стиля, произведений иного стилистического направления – следов проникновения элементов китайской культуры, не исключая при этом и обратного влияния.

С.С. Миняевым проводились специальные исследования в области изучения бронзолитейного производства хунну. Рассматривая хуннские броши с точки зрения технологии производства, автор указал на преемственность в металлургических рецептах скифского и хуннского времени, характерную как для забайкальских, так и для ордосских металлургических центров. По мнению исследователя, как процесс переработки изначально зооморфных скифо-сибирских сюжетов можно рассматривать становление «геометрического» стиля в искусстве хунну. Он предположил, что эстетические критерии изобразительного искусства формировались у хунну вне зоны скифо-сибирского мира.

Важной вехой для формирования этого мнения стали раскопки в 1960–1980-х гг. погребальных комплексов на территории Ордоса и близлежащих районов, где китайскими археологами было обнаружено большое количество предметов «скифского облика», связанных с декоративной, монументальной скульптурой и живописью ханьского Китая. Эти находки наглядно продемонстрировали связь культур скифо-сибирского круга с Ордосом (памятник – Таохунбала (49), где впервые в данном регионе в предметах погребального инвентаря проявились скифо-сибирские традиции (50)).

Плато Ордос традиционно считается прародиной хунну, они появились там после 209 г. до н.э., а их первые контакты со скифским древним искусством происходят на рубеже III–II вв. до н.э. Однако Э. Банкер предположила существование ряда региональных культур с самостоятельными художественными и металлургическими традициями, которые могли быть взаимосвязаны между собой и иметь общие черты, но не обязательно должны быть идентифицированы с хунну.

Появление сходных образцов предметов искусства на обширных территориях исследовательница связала с политическим объединением племен. В то же время репертуар образов (довольно ограниченный) может указывать на этническую или политическую близость с Саяно-Алтаем, а также, возможно, на общую систему верований (51).

А.А. Ковалев называет IV в. до н.э. временем сложения определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтая (52) и связывает это с племенами лоуфань и байян. По мнению М.И. Артамонова, в Ордосе предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, появляются благодаря юэчжам, которые до конца III в. до н.э. занимали степи Джунгарии, Восточную Монголию до Ордоса. А.Г. Шелач видит продолжение этих традиций на Северо-Востоке Китая (53).

Эти исследования позволяют утверждать, что в IV в. до н.э. на территорию Ордоса проникают народы, которые позже вошли в состав хуннского племенного союза. Эти процессы послужили импульсом для возникновения ордосских художественных бронз, которые являются по своей сути самыми поздними образцами скифо-сибирского искусства в центральноазиатском регионе.

III–II вв. до н.э. можно считать верхней границей существования скифо-сибирской художественной традиции, поскольку именно в это время в Центральной Азии создается крупное государственное межплеменное объединение, распространившее власть хунну от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере и до Гоби и Ордоса на юге. Почти беспрерывные войны повлекли за собой мощные миграции этнически различного населения, что, несомненно, повлияло на искусство кочевых народов Центральной Азии (54).

В конечном счете можно считать, что развитие хуннского анималистического искусства шло по двум направлениям: одно в сторону упрощения и стилизации скифо-сибирских образов, второе – наоборот, в сторону формирования новых художественных канонов.

Процессы, связанные с первым направлением, в основном проходили на территории Саяно-Алтая, Минусинской котловины и Монголии. Анималистические изображения, постепенно утрачивая свое первоначальное смысловое содержание из-за многократного тиражирования, продолжали там встречаться вплоть до рубежа эр. Второе направление связано прежде всего с влиянием китайских художественных традиций. Именно вследствие их прямого воздействия в хуннском искусстве появляются новые персонажи, например, драконы на поясных пластинах (55). Данные поясные пластины были сделаны китайскими мастерами специально для «варваров» (56).

Наряду с изготовлением дорогих украшений из золота и серебра для знати и правителей различных этнокультурных областей китайскими мастерами было налажено массовое производство и тиражирование различных предметов из бронзы для представителей низшего сословия. Современные

отечественные исследователи предполагают, что центр их производства находился на территории одной из современных провинций Северного Китая (Нинся, Шэньси, Шаньси, Хэбэй, Ганьсу, или где-то в районе Внутренней Монголии), так как в основном в памятниках данного региона находят предметы анималистического искусства, связанные с кочевническим миром (57).

Археологический материал свидетельствует о том, что искусство хунну является самобытным художественным явлением, возникшим в среде кочевников центральноазиатского региона под влиянием традиций, проникавших как с Запада, так и с Востока. В конечном счете искусство хунну просуществовало сравнительно короткий срок (II в. до н.э. – II в. н.э.), и следы его почти полностью исчезли сразу после распада хуннского племенного союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: Документы. Исследования. Материалы. – Бишкек: ГПТ КГУ им. И. Арабаева, 2003. – С. 134–139.
- (2) «Ордосские бронзы» – результаты раскопок и случайные находки на территории к северу от Великой китайской стены, находки из Ноин-Улинских и больших алтайских курганов.
- (3) *Vokovenko N.A., Legrand S.* Das karasukzeitliche Gräberfeld Ancil Con in Chakassien // *Eurasia Antiqua*. – Berlin, 2000. – В. 6. – Р. 210–248; *Боковенко Н.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Кулькова М.А. Лазаретов И.П., Семенов Вл.А.* Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям* / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 117.
- (4) *Li Xiuhui, Rubin H.* Metallographic Analysis of Bronzes at the Zhukaigou Site from the Early Shang Period // *The Beginnings of Metallurgy in China. Chinese Studies 11* / ed. K.M. Linduff. – Lewiston; N.Y.: Edwin Mellen, 2000. – Р. 255–267; *Варенов А.В.* Чжукайгоу памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасук-тагарским» кинжалом // *Гуманитарные науки в Сибири*. – № 3. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 97–102.
- (5) *Поляков А.В.* Периодизация «классического» этапа карасукской культуры: по материалам погребальных памятников: Автореф. дис. ... к.и.н. – СПб., 2006; *Лазаретов И.П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... к.и.н. – СПб., 2006.
- (6) *Watson W.* Archaeology in China. – L.: Max Parrish, 1960; *Новгородова Э.А.* Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970; *Волков В.В.* Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981.
- (7) *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- (8) *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986.
- (9) *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972.
- (10) *Лазаретов И.П.* Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // *Археологические вести*. – СПб., 2008. – № 15. – С. 37–54.

- (11) Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Н. Сер. – Т. IV. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 82; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири ... – С. 114–116.
- (12) Современные представители этой расы – узбеки и таджики.
- (13) Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры / отв. ред. В.П. Алексеев, Н.А. Дубова. – М.: Старый сад, 2007.
- (14) В 1980 гг. «карасукские» ножи были найдены от окраины города Хами (Кумул) на северо-западе Синьцзянь-Уйгурского автономного района. См.: *Wángbīnghuá. Xīnjīāng dōngbù fāxiàn de jǐ pī tóng qì* [Некоторые изделия из бронзы с территории восточного Синьцзяна] // *Kǎogǔ*. – 1986. – № 10. – С. 887–890.
- (15) Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника, окуневская традиция и звериный стиль // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. конф. памяти М.И. Артамонова. Тез. докл. – СПб., 1998. – С. 71.
- (16) Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 154–158. Рис. 8: 3–5, 12, 15.
- (17) Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии: Скифо-сибирская художественная традиция. Дис. ... к.и.н. – Новосибирск, 2003. – С. 70.
- (18) Волков В.В. Оленные камни Монголии ... – Рис. 8:8; 10:4.
- (19) Волков В.В. Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001. – С. 330–354. – Рис. 6.
- (20) Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве ... Дис. ... к.и.н. – Новосибирск, 2003. – Таб. LXXVI, 5.
- (21) Там же. – Таб. LXXVI. 6–8.
- (22) Там же. – Таб. LXXVI. 1.
- (23) Там же. – Таб. LXXVI. 3, 4.
- (24) Там же. – Таб. LXXVI. 9.
- (25) Ростовцев М.И. Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Миф. – № 7. – София: Нов български университет, 2001. – С. 293.
- (26) Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. – М.: Наука, 1983. – С. 274.
- (27) Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. – München: Skythika, 1987. – S. 29; Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. – Вып. 207. – 1993. – С. 65; Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. – СПб.: Гос. Университет, 2000. – С. 18–19; Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 67.
- (28) В могиле № 60 памятника Фэнси.
- (29) В могиле Фу-хао (Аньян).
- (30) Ларичев В.Е., Бородовский А.Л. Божество из Карахана (опыт астральной интерпретации каноничного образа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы Годовой сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 371–372.
- (31) Алкин С.В. Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. – Новосибирск, 1995. – С. 14; Он же. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите северо-восточной Азии // Древние культуры северо-восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 135. – Рис. 21.

- (32) *Zhūfènghàn. Gǔdài zhōngguó qīngtóngqì* [Древние китайские изделия из бронзы]. – Тяньцзинь, 1995.
- (33) *Погрєбова М.Н., Раєвский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток (к истории становления скифской культуры). – М.: Наука, 1992. – С. 121.
- (34) *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 138.
- (35) Для китайской изобразительной традиции характерен поворот головы животного в фас. Лапы животного расположены в той же позиции, что у «скребущих» хищников, а эффект свернутости достигнут благодаря форме хвоста и сгибанию туловища.
- (36) *Волков В.В.* Оленные камни Монголии ... Рис. на с. 127, 157, 192.
- (37) *Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х.* Курган Аржан – могила «царя» раннескифского времени // Ученые записки Тув. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и ист. Вып. XVI. – Кызыл, 1973. – С. 204–205. – Рис. 4.
- (38) *Волков В.В.* Оленные камни Монголии ... – С. 115.
- (39) *Минасян Р.С.* Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. – Вып. 30. – 1990. – С. 61–76.
- (40) *Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И.* Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. – С. 91–93.
- (41) *Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010.
- (42) *Чугунов К.В.* Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб.: Нестор-История, 2011. – Рис. 7.
- (43) Там же. – С. 55.
- (44) *Боковенко Н.А., Килуновская М.Е. и др.* Развитие древних культур Центральной Азии ... – С. 118.
- (45) *Dān yuè yīng. Xiōngnú mùzàng yánjiū* [Захоронения хунну] // Каогу сюэбао. – 2009. – № 1. – С. 35–68.
- (46) *È'ěrduōsī qīngtóngqì* [Ордосские бронзы]. – Пекин, 2006.
- (47) *Gāobīn xiù. Ōu yà cǎoyuán de jīnshǔ pái shì* [Металлические бляшки евразийской степи] // *È'ěrduōsī qīngtóngqì guójiā xuéshù yán gǔ huì lǚnwén jí* [Результаты исследований древних ордосских бронз]. – Пекин, 2009. – С. 430–434; *Bemmann J.* Was the Center of the Xiongnu Empire in the Orkhon Valley? // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosseder, B. Miller. – Vol. 5. – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. – P. 441–462.
- (48) *Ancient Bronzes from China, Ordos and the Steppes.* Ben Janssens Oriental Art, Rupert Wace Ancient Art. – L.: Ben Janssens Oriental Art, 2007.
- (49) В могильнике у д. Таохунбала все найденные сосуды близки к сакским. Это небольшие, гладкостенные, плоскодонные, баночной формы, с носиком-сливом и кувшинообразные сосуды с одной петлевидной ручкой. Однако обряд погребения в этом могильнике несколько иной – черепа и конечности домашних животных располагались на перекрытии могильных ям. Эта черта находит аналоги в хуннских захоронениях Ильмовой Пади.
- (50) *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха бронзы. – Новосибирск: Наука СО, 1988. – С. 100.
- (51) *Bunker E.* Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. – New York: Arthur M. Sackler Fondation, 1997. – P. 77. *Gěngshìmín.*

- Ā'ěrtài gòngtóng yǔ, xiōngnú yǔ tàntǎo [Язык алтайцев и хунну] // Yǔyán yǔ fānyì Язык и перевод. Ч. 2. – Урумчи, 2005.
- (52) Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 81.
- (53) Shelach G. Early Pastoral Societies of Northeast China: Local Change and Interregional Interaction during c. 1100–600 BCE // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World* / eds. R. Amitai, M. Biran. Brill's Inner Asian Library. Vol. 11. – Leiden and Boston, 2005. – P. 33.
- (54) Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве ... Дис. ... к.и.н. – С. 86.
- (55) Золотые пластины от наборного пояса, найденные в княжеской могиле Шицзышань (провинция Цзянсу, Южный Китай) эпохи Западная Хань (175–118 гг. до н.э.). См.: Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии.* – № 4. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 160; Богданов Е.С. Поясные пластины из Шицзышаня // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Т. V. Материалы VII Годовой сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 269–275.
- (56) Brosse U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* / eds. U. Brosse, B. Miller. Vol. 5. – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. – P. 349–424.
- (57) Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве ... Дис. ... к.и.н. – С. 88; Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса ... – С. 80.

**TRANSFORMATION OF THE SCYTHIAN-SIBERIAN
CULTURAL TRADITION OF BRONZE AGE
(TO THE ISSUE OF SINO-CENTRAL ASIAN CULTURAL CONTACTS)**

E. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Leninskiy Prospekt, 32 a, Moscow, Russia, 119991

The problem of interaction between the peoples of Central Asia and China, which was manifested in the transformation of the Scythian-Siberian art of the Bronze Age, can clearly be seen in the archaeological material. Classification of the Scythian-Siberian art finds an affinity Scythian, Central Asian and Chinese "art forms" and gives the right to assume that Karasuk culture, tradition Yin style, images Tagar culture, Ordos cultural tradition is closely related. The archeological evidence suggest the movement of cultures of bronze metallurgical industry and animal style through the steppe zone and the Central Asian deserts to the bend of the Yellow River. Penetration of the Scythian-Saka tribes that resided in Inner Mongolia can be traced to the north of the Yellow River.

Key words: Central Asia, China, Bronze Age, Scythian-Siberian art.